

Б. Баркас:

МНЕ ДЕВЧОНКА С ИСКРИСТЫМ СМЕХОМ ЖДАТЬ КЛЯЛАСЬ...

КТО помнит — первые московские рок-сейшны? Помните ли вы совсем юного Андрея Макаревича, так проникновенно исполнявшего «Летучего голландца», что у сидящих в зале ком подкатывал к горлу? Мало кто знает, что автор этих стихов — московский поэт Борис Баркас. Впрочем, он всегда был больше известен композитором, охотно сочинявшим музыку на его тексты, нежели широкой публике. Боре претит самореклама, а его фамилия, если и появлялась на конвертах редких тогда рок-пластинок, очевидно, воспринималась как псевдоним. Но суперхит «Арлекино» вслед за Пугачевой подхватывала вся страна...

Стихи Бориса Баркаса почти не публиковались — это, скорее, от врожденной скромности автора.

Автобиография

Родился в Москве в 1953 году. До 14 лет к року никакого отношения не имел, более того — не любил и не признавал, увлекаясь Окунджавой, Клячкиным, Городничкиным и Галичем. Однако английская спецшкола, находившаяся на задворках Дома посольств (иностранцы были почти в каждом классе), исподволь делала свое дело — новые пластинки появлялись здесь буквально через неделю и, хочешь — не

хочешь, были «на слуху». Если еще к этому добавить приход одного из ближайших друзей в группу «Ветры перемен» и издание на русском языке «Игры в бисер» Г. Гессе, то смена штормовки на джинсы и прически «полубокс» на волосы до плеч представляется вполне объяснимой.

Тогда, в конце 60-х, московская хипповая система мало походила на нынешние узкоконфессиональные объединения неформалов. Всех объединял сейш — левый (а какой он мог быть еще!!) концерт в каком-нибудь клубе или ДК. Очень быстро выяснилось, что проходить сквозь бдительные кордоны дружинников и администрации проще в качестве «поэта группы», а не ее «друга»; так появилась на свет «Лестница» [музыка Александра Лермана, впервые исполнена «Ветрами перемен» в 1968 году].

Первый «блин» оказался вполне съедобным, и в последующие годы песни этого счастливого авторского тандема исполняли «Скороухи», «Аракс», «Добры молодцы», а баллада «Летучий голландец» с новой музыкой Андрея Макаревича надолго по-

пала в репертуар «Машины времени». Но все идиллии когда-нибудь кончаются, кончилась и эта. В 1975 году Лерман переселился в Нью-Хэйвен, штат Коннектикут, США. Что же до оставшегося в любимом отечестве поэта, то получение в том же году диплома МГУ и неожиданный успех Аллы Пугачевой с моим «Арлекино» заставили всерьез задуматься о будущем.

Длительные попытки усидеть на двух стульях привели к окончательному разрыву с биохимией (1980) и приему в Комитет московских литераторов (1983), причем не за песни, а за сценарии телепередач эстрадных программ.

Таким образом, главное — это песни: для «Автографа» и «Рок-Ателье» (в основном в соавторстве с М. Пушкиной), для «ЭВМ», «Союза», «Воскресения», «Индекса 396», «Магнетик Бэнд» Гуннара Грапса; песни на музыку и в исполнении Аллы Пугачевой («Гонка»), Тыниса Мяги, В. Преснякова-старшего, Александра Барыкина, Владимира Матецкого, Юрия Крашевского (для Ирины Отиевой) — всего более полусотни за последние 15 лет.

Борис БАРКАС.

Ищу человека!

Без струны будет мертвой дека —
Вот зачем я сегодня, как встарь,

Со словами «Ищу Человека»
На рассвете зажег фонарь.

Первый встречный затравленной мышью
Ищет только, где скрыт подвох.
Он не слушает и не слышит —
Жалкий скряга над горстью крох.

Мой огонь на свету скуден,
А вокруг и спросить-то некогда:
«Если все выйдут в люди,
Кто останется человеком?!»

Я рывком набираю номер.
В школьной книжке он первым был...
Грубку сняли, значит, не помер.
«Это я. Еще не забыл?»

Но теперь я не в списке «нужных» —
И ответ, словно пластырь с губ.
И кривится от слова «дружба»,
Будто я оживляю труп.

Мне девчонка с искристым смехом
Ждать клялась, а теперь она
Очень важного человека
Очень преданная жена.

И стою я безродным волком,
Принимаю бодрящий душ
Из расколотых черной «Волгой»
Минерально-зеркальных луж.

День упал в голубую слякоть,
Ночь снежинкой парит вверху.
То ли взять и купить собаку,
То ли выдрать хвост петуху...
1986.

Летучий голландец

Каждый день, отправляясь в плаванье
По морям сквозь ветра и бури,
Я мечтаю о тихой гавани,
Где б мои корабли уснули.

И о пристани в синих сумерках,
Где огни угольками рдеют,
Где не верят тому, что умер я,
Где все время ждут и надеются.

Как давно ты была оставлена,
Моя тихая старая гавань,
И с тех пор моя жизнь оправлена
В пересуды и грязный саван.

Плыли прочь, онемев от ужаса,
Лишь завидев мой парус белый,

Никому не хватало мужества
Подойти и узнать, в чем дело.

А потом, где б они ни плавали.
Мстя за страх, что тогда испытали,
Называли посланцем дьявола,
Кораблем мертвецов называли.

Дай им Бог оправдаться дочиста,
Оставаться в мире постельном
И не знать, каково одиночество
Под огнями Святого Эльма...

Каждый день, отправляясь в плаванье,
В океаны московских улиц,
Я мечтаю о тихой гавани,
Где б мои корабли уснули.

И о домике в синих сумерках,
Где окно от заката рдеет,
Где не верят тому, что умер я,
Где все время ждут и надеются.

1972.

На людях смерть любому по плечу.
Нам всем знаком ее сценарий вечный:
Слова презрения в морду палачу
И фразу — для истории, конечно.

Прекрасно также умереть в бою —
Об этом всем известно, даже детям.
Как медь горит! Как барабаны бьют,
Когда провозят тело на лафете!

Такой финал желанен для газет,
Как для гурмана — сочный ростбиф с кровью.
И бьет в глаза кладбищенский газет
на бравой фотографии с надгробья.

А если так: к вонючей мостовой
Ты пригвожден, нелеп и безобразен,
И кирпичом повис над головой
Истошный вой осатаневшей мрази?

Или иначе: каменная мгла
И сапоги, шуршащие, как мыши...
Глотая зубы с кровью пополам,
Что крикнешь ты? И кто тебя услышит?!

Мы жаждем боя, ибо это шанс,
Прожив скотом, хоть помереть достойно.
Но даже это отнято у нас —
Что могут доказать быки на бойне?

И жизнь, и мысли — все сожгут в огне.
К чему им память? Лишние вериги.
Заспорят лишь крестьяне по весне:
Чей пепел лучше — тела или книги?

Но если все же — Боже упаси! —
Под пеплом вдруг останутся вопросы
Или кому-то в ум зайдет спросить,
Что ж, есть другой — и безотказный! — способ.

„De mortuis aut bene, aut nihil,“ —

И тянется сироп речей надгробных,
А ты лежишь — спокойный, мертвый, тихий,
Со всем согласный и такой удобный.

Томятся скорбью палачи в углах,
Стыдливые, как ранняя мижоза.
И зацветает кровь на топорах
Оранжевой официальной розой...